

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КАК ФАКТОР СЕМАНТИЧЕСКОЙ МНОГОМЕРНОСТИ ТЕКСТА

О.В. Раевская

Вынесенная в название статьи одна из существенных характеристик прилагательного является дискурсивной актуализацией особого – двойственного, или, по меньшей мере, неопределенного положения прилагательного в системе частей речи. Имеется в виду то обстоятельство, что, с одной стороны, прилагательные помещают в один ряд с существительными, объединяя их в разряд “имен”, а с другой – вместе с глаголами противопоставляют существительным как признаковые (непредметные) наименования предметным¹. Не случайно прилагательное характеризуется как “одна из наименее изученных и сложных для исследования частей речи”².

Генетическая близость прилагательного к существительному³ определяет, в системе языка, адъективную синтагматику (синтаксическую подчиненность существительному) и парадигматику (общность флексий). Генетическая вторичность прилагательного лежит в основе его семантической и синтаксической несамостоятельности. Обратной стороной этой несамостоятельности является, как это ни парадоксально, значительный дискурсивный потенциал прилагательного, реализующийся в тексте разными способами.

Один из аспектов дискурсивного потенциала прилагательного описан в специальной литературе как феномен метонимической природы, который квалифицируется как смещенное определение⁴: *Семеныч, весь заспанный, в наспех накинутой куртке, схваченной в ворота семидесятилетней рукой, шурился, пропуская господ, от нестерпимого заневского блеска* (А.Белый); ...**обиженные** плечи отца, сидящего за рваной картой, мрачного, в теплой домашней куртке... (В.Набоков). При смещенном определении наблюдается расхождение между грамматической и семантической зависимостью прилагательного, очевидное в приведенных примерах (семидесятилетний – Семеныч, обиженный – отец). Такое расхождение, или смещенное определение, особенно заметно на фоне обычного, несмещенного определения: *Позвали Наденьку; она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа Николая чудотворца и Казанской богоматери. Нас благословили. Наденька подала мне холодную, **безответную** руку* (А.С.Пушкин) (холодная – рука, безответная – Наденька).

Метонимическое смещение определения как одно из дискурсивных

свойств прилагательного может сопровождаться метонимическим употреблением существительного: *Около “Метрополя” Ольга протягивает мне свою **узкую серую перчатку*** (А.Мариенгоф). Такое сопряжение дискурсивных свойств прилагательного и существительного – свойств безусловно метонимической природы – можно назвать эффектом семантической стереоскопии. Ср.: *Ольга протягивает мне свою узкую руку, Ольга протягивает мне свою серую перчатку, Ольга протягивает мне свою узкую руку в серой перчатке.*

В рассмотренных примерах дискурсивный потенциал прилагательного реализуется как достаточно ясный по своей природе механизм смещенного определения. Отмеченная ясность обусловлена тем, что данное смещение имеет в контексте свой диапазон, точнее, свои границы, зафиксированные двумя существительными: тем, с которым связано синтаксически, и тем, с которым связано семантически. Во всех приведенных контекстах присутствуют оба существительных (*обиженные плечи отца, холодная безответная рука Наденьки* и т.п.).

Реализация дискурсивного потенциала прилагательного может быть более сложной и разнообразной по своим проявлениям, однако все они могут быть сведены к одному общему механизму – смещению определения. Наблюдаемые различия в рамках последнего можно условно обозначить через степени смещения, что, безусловно, не дает представления о внутреннем содержании механизма смещения, но позволяет установить степень его сложности. В данном случае степень сложности характеризует большую или меньшую очевидность, легкость и обоснованность трансформации, или обратного смещения определения в сторону восстановления соответствия между синтаксической и семантической зависимостью. К примеру, *обиженные плечи отца* – случай простейшего смещения определения, которому можно приписать первую степень сложности, так как смещенное определение легко трансформируется в прямое **плечи обиженного отца*.

Смещение определения первой степени имеет место в том случае, когда прилагательное семантически соотносится не с тем существительным, с которым связано синтаксически, а с другим, входящим в состав данного предложения. При этом трансформация смещенного определения в “прямое”, т.е. восстановление соответствия между семантической и синтаксической зависимостью, имеет результатом обычную атрибутивную группу “прилагательное + существительное”. Рассмотренные примеры иллюстрируют именно этот случай. К сказанному можно добавить еще один пример, демонстрирующий наличие аналогичных дискурсивных характеристик у причастий: *Докучаев протягивает бумажник **ничего не понимающими** пальцами* (А.Мариенгоф).

А теперь сравним последний пример со следующим: *Ольга поднимает **многозначительный** палец* (А.Мариенгоф). В обоих контекстах налицо смещение определения, однако *многозначительный палец* представляет собой иную степень смещения, чем *ничего не понимающие пальцы*, поскольку прилагательное *многозначительный* соотносится не с существительным *Ольга*, в отличие от определения *ничего не понимающий*, относящегося к существительному *Докучаев*. Смещение определения здесь сопряжено с перекатегоризацией, или транспозицией: *многозначительный* семантически относится к глаголу. Ср.: **Ольга многозначительно поднимает палец*.

Такое смещение определения становится возможным благодаря близости прилагательного и наречия в категориальном семантическом пространстве. Наречие, как и прилагательное, предназначено для обозначения признака, с той, однако, разницей, что прилагательное выражает признак предмета, а наречие – признак процесса, действия и признак признака. Таким образом, наречие как признаковое наименование в определенном смысле вторично по отношению к прилагательному, которое само вторично по отношению к существительному. Признаковая категориальная сущность, сближающая прилагательное с наречием, и объясняет, вероятно, этот аспект дискурсивного потенциала прилагательного, который можно охарактеризовать как смещение определения второй степени.

Эта степень смещения отличается тем, что она сопровождается перекатегоризацией, поскольку прилагательное при этом семантически соотносится с такими словами в предложении (как правило, с глаголами), с которыми оно не может сочетаться по нормам синтаксиса. Приведение в соответствие синтаксической и семантической сочетаемости требует замены прилагательного – смещенного определения – на наречие. Ср.: *Упала **громкая** ложечка, затанцевала чашка, покати́лся карандаш, заскользи́ла книга по книге* (В.Набоков) – **Громко упала ложечка...*

Таким образом, если смещение определения первой степени, соотносимое с именной атрибутивной группой “прилагательное + существительное”, ограничено адъективным категориальным пространством, то вторая степень смещения предполагает перекатегоризацию, поскольку соотносится с глагольной группой “глагол + наречие”. При этом глагольная группа может быть представлена не только личной формой глагола, но и, к примеру, деепричастием: *Но в кинематографе она о нем забыла, прижавшись к нему **равнодушным** плечом* (В.Набоков). В обоих случаях – и при первой и при второй степени смещения – в составе предложения есть слово (существительное или глагол), по отношению к которому прилагательное является смещенным определением.

Последний фактор немаловажен как в плане достоверности трансформаций, демонстрирующих анализируемые дискурсивные свойства прилагательного, так и для выделения третьей степени смещения определения. Третья степень отличается от первой и второй тем, что в предложении со смещенным определением нет того слова, к которому могло бы относиться прилагательное при отсутствии факта смещения, т.е. при соответствии синтаксической и семантической связи. Сравним два предложения: *По дороге он заглянул в лавку и купил фунтик липких леденцов, которыми стал настойчиво меня угощать* (В.Набоков) и *Немного дальше, около фонтана он подарил свой **медленный** леденец туземной девочке с ожерельем* (В.Набоков). В отличие от первого предложения с обычным, не смещенным определением (*липкие леденцы*), во втором предложении определение смещено настолько (*медленный леденец*), что приведение в соответствие синтаксической и семантической зависимости не укладывается в рамки тех несложных грамматических трансформаций, которые были характерны для первой и второй степени смещения, происходящих в пределах лексического состава предложений (*обиженные плечи отца – плечи обиженного отца, упала громкая ложечка – громко упала ложечка*).

Невозможность грамматической трансформации, подобной приведенным выше, не означает, что смещение определения необратимо, т.е. что невозможно восстановить глубинную структуру, стоящую, к примеру, за атрибутивной группой *медленный леденец*. Читателю ясно, что *медленный леденец* это *леденец, который медленно сосет, который надо медленно сосать (чтобы дольше не кончался, чтобы насладиться его вкусом и т.п.)*. Таким образом, при помощи прилагательного *медленный* метонимически обозначается ситуация, или фрейм, в центре которого – действие *сосать*, не названное в предложении, но восстанавливаемое по объектному актанту *леденец* и сирконстанту *медленно*. Отмечаем, что здесь имеет место та же перекатегоризация (прилагательное – наречие), которая свойственна смещению определения второй степени. Это не случайно. Наречие, относящееся к глаголу, “легко становится характеристикатор предложения в целом”⁵, о чем, в частности, свидетельствуют случаи смещенного определения, сопряженного с перекатегоризацией.

Искомая глубинная структура, точнее, смысловая зависимость прилагательного легко устанавливается благодаря действию механизмов инференции, или семантического вывода⁶. Имея когнитивные и, следовательно, экстралингвистические основания, что и обеспечивает ее результативность, т.е. успешность прочтения текстов с имплицитными

смыслами, инференция, тем не менее, может быть в разной степени дискурсивно обусловленной. Так, например, в отличие от приведенного выше примера с “медленным леденцом”, где смещение определения происходит на экстралингвистической основе, аналогичный результат (смещение определения) может иметь дискурсивное подтверждение в пределах довольно ограниченного отрезка текста. Ср: *Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы **молоды**, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди? Это тоже **молодой** вопрос, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вам господь чаще на душу!* (Ф.М.Достоевский).

Необходимо отметить, что, при всей очевидности границ смещенного определения, т.е. не вызывающей сомнения семантической отнесенности прилагательного, его синтаксическая зависимость, в силу своей незыблемости, накладывает свой отпечаток на реальную семантическую зависимость, результатом чего является определенная семантическая диффузность как следствие дискурсивной свободы прилагательного. Иными словами, хотя в целом прилагательное, в случае смещенного определения, характеризует не то существительное, с которым связано синтаксически, частично называемый им признак распространяется, благодаря самому факту синтаксической позиции, и на последнее.

Если продолжить тему смещения определения, которая является сквозной для данной статьи, то завершить намеченную линию следовало бы случаями номинализации, которые можно квалифицировать как наивысшую степень смещения определения. Ср.: *По ночам – молча, без огней, тихим ходом – проходили броневые поезда, просматривая темные пространства и пробуя паровозом **целость** пути* (А.Платонов). В результате номинализации прилагательное преодолевает свою несамостоятельность, хотя и происходит это не за счет дискурсивных свойств прилагательного, а благодаря особому дискурсивному потенциалу существительного, которое “противопоставляется остальным частям речи как часть речи с нейтральным значением”⁷.

Феномен смещенного определения, рассмотренный с точки зрения разных степеней сложности смещения, не исчерпывает весь дискурсивный потенциал прилагательного, но представляет собой лишь один из аспектов той семантической многомерности, или стереоскопии текста, которая обусловлена адъективными дискурсивными свойствами.

Другой аспект связан с той семантической мобильностью и многоплановостью прилагательного, о которой писала Е.М.Вольф: “Пожалуй, нет другой части речи, которая вторгалась бы практически

во все семантические аспекты высказывания”⁸. Стереоскопический эффект в этом случае может возникать при наличии у существительного более одного определения. Семантическая стереоскопия текста усиливается в том случае, когда среди нескольких прилагательных есть смещенное определение. Ср.:

*Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет* (А.С.Пушкин).

В устах Пимена, благодаря двум прилагательным, существительное *труд*, употребленное в конкретном значении (в данном случае – летопись) – и к нему относится прилагательное *безымянный* – как бы раздваивается, напоминая о другом, процессуальном значении, которое имплицитно прилагательным *усердный*. Будучи направлены на разные семантические грани одного существительного (одновременно наличествующие только в парадигматике), прилагательные актуализируют семантический потенциал полисемии. В результате дискурсивная перспектива текста дополняется парадигматическим измерением.

Прилагательные могут также актуализировать, “оживить” словообразовательную структуру существительного. Ср.: *Рукопожатие его было крепкое и влажное* (В.Набоков). Прилагательное *крепкое* (через промежуточную ступеньку перекатегоризации) отсылает к глаголу *пожать*, а *влажное* – к существительному *рука*. Таким образом “воссоздается” история образования сложного слова по субстантивно-глагольной модели.

Наличие нескольких прилагательных при одном существительном может создавать дополнительный семантический объем текста и при отсутствии смещенного определения. Ср.: *Я шел по переулку, по тому самому, где помещается Театр. Это был отличный, гладкий, любимый переулочек, по которому непрерывно проезжали машины* (М.Булгаков). Из трех прилагательных только второе – *гладкий* – относится непосредственно к существительному *переулочек*. Два других, не будучи, строго говоря, смещенными определениями, тем не менее раздвигают семантическое пространство предложения, выходя за его пределы. Прилагательные *любимый* и *отличный* устанавливают связь с субъектом речи – я из предыдущего предложения. При этом *отличный* находится как бы на равном семантическом расстоянии от я до переулочка (*Я считаю, что переулочек отличный), в то время как *любимый* явно ближе к я (*Я люблю этот переулочек). Иными словами, если *отличный*

относится и к переулку, и к субъекту речи, то *любимый* характеризует не столько переулок, сколько субъекта речи.

В данном случае, в отличие от предыдущего, семантическая многомерность текста достигается за счет того, что прилагательные, состоящие в семантических связях на разном семантическом расстоянии от формально главного для них существительного, образуют семантические “узлы” на разных участках отрезка текста. При этом именно прилагательные создают своего рода модальный фон высказывания, который можно определить как *я*-модальность, или модальность субъекта речи.

Рассмотренные случаи, разумеется, не исчерпывают всей полноты дискурсивного потенциала прилагательного, раскрывая только некоторые его аспекты. Тем не менее, они позволяют сделать некоторые выводы общего характера относительно тех свойств прилагательного, которые раскрываются только в тексте и вне его не обнаруживаются.

Характеристика прилагательного как части речи является неполной без учета тех его дискурсивных свойств, которые составляют предмет данной статьи. Как правило, общим местом описаний прилагательного является положение о его двуединой – синтаксической и семантической – зависимости от существительного в пределах именной группы. Ср.: “Поскольку прилагательное соотносится с денотатом только через посредство определяемого им существительного, оно *всегда* (разрядка моя. – О.Р.) семантически связано с последним”⁹. Собственно говоря, именно на этом положении и основывается выделение прилагательного как самостоятельной категории (речь идет о тех языках, где эта часть речи вообще может быть выделена, ибо эта категория не является универсальной). Анализ функционирования прилагательного в тексте показывает, что, сохраняя синтаксическую зависимость, прилагательное может менять конфигурацию своих семантических связей, переставая быть определением того (точнее, только того) существительного, с которым связано незыблемой синтаксической связью. Преодолевая семантическую зависимость от синтаксически главного существительного, прилагательное получает своего рода дискурсивную свободу – свободу семантических связей, которые либо пронизывают текст в разных направлениях, либо выходят за пределы текста, в область имплицитного экстралингвистического знания. Результатом этой дискурсивной свободы прилагательного является семантическая многомерность, или стереоскопия текста.

¹Историю и теорию вопроса см.: **Кубрякова Е.С.** Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978; **Кубрякова Е.С.** Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

²**Вольф Е.М.** Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков. М., 1978. С. 3; см. также: **Афанасьева О.В.** Имя прилагательное и его место в системе частей речи // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990; **Харитончик З.А.** Имя прилагательное: проблемы классификации // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990.

³См.: **Потебня А.А.** Из записок по русской грамматике. М., 1968, т. III. С. 69; **Якубинский Л.П.** Из истории имени прилагательного // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, 1952, № 1. С. 53; **Фортунатов Ф.Ф.** Сравнительное языковедение. Общий курс // **Фортунатов Ф.Ф.** Избранные труды, т. I. М., 1956. С. 64; **Кубрякова Е.С.** Части речи в ономаσιологическом освещении; **Кубрякова Е.С.** Части речи с когнитивной точки зрения; и др.

⁴См.: **Долинин К.А.** Стилистика французского языка. Л., 1978. С. 157; см. также **Henry A.** Metonymie et metaphore. Bruxelles, 1983. P. 23.

⁵**Гак В.Г.** Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986. С. 268.

⁶См.: **Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 34.

⁷**Панов М.В.** О частях речи в русском языке // Филологические науки. 1960. № 4. С. 7.

⁸**Вольф Е.М.** Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков. М., 1978. С. 5.

⁹Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 397.

Москва